

ПЕРСНИФИКАЦИЯ И НОМИНАТИВНАЯ МЕТАФОРА

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7722080>

ELSEVIER

Received: 10-03-2023
Accepted: 11-03-2023
Published: 22-03-2023

Мамадалиев Ахмадали

доцент
Андижанского государственного
института иностранных языков,
город Андижан.

Abstract: В данной статье делается попытка различить персонификацию от неперсонификации (le bras d'un fauteuil, le cresson boit), обычно называемой номинативной метафорой.

Keywords: персонификация, номинативная метафора, антропонимичность, неантропонимичность, фаунонимичность, виртуэма, синтагма, двуизотопия, классама.

About: FARS Publishers has been established with the aim of spreading quality scientific information to the research community throughout the universe. Open Access process eliminates the barriers associated with the older publication models, thus matching up with the rapidity of the twenty-first century.

Received: 10-03-2023
Accepted: 11-03-2023
Published: 22-03-2023

Abstract: This article attempts to distinguish between personification and non-personification (le bras d'un fauteuil, le cresson boit), commonly referred to as nominative metaphor

Keywords: personification, nominative metaphor, anthroponymy, non-anthroponymy, faunonymy, virtuem, syntagme, two-isotopy, classme.

About: FARS Publishers has been established with the aim of spreading quality scientific information to the research community throughout the universe. Open Access process eliminates the barriers associated with the older publication models, thus matching up with the rapidity of the twenty-first century.

При исследовании данной проблемы может быть две пути подхода:

а) семасиологический б) ономасиологический.

Ссем асиологической точки зрения при персонификации, переносящаяся единица, обозначающая антропоним, его деятельность, свойства или признаки на неантропонимы, выполняет вторичную функцию. При этом персонификация отличается от номинативной метафоры своей виртуэмой «антропонимичность», производящей эффект персонификации, тогда как при номинативной метафоре такая сема отсутствует.

В примере *Je ne le (livre) reconnus pas, comme un père pourrait le faire d'un enfant qu'il aurait laissé aller, abandonné, et qui aurait été élevé par d'autres. Il avait une tournure qui n'était pas celle de mon corps et je ne le sentais pas de mon sang si, cependant, il tenait debout, à sa manière, sur des jambes qui n'avaient pas le gabarit de celles que je lui avais voulues. Il possédait des épaules à une autre mesure, un regard qui ne regardait pas du même côté que celui vers lequel s'étaient dirigés mes yeux alors que je l'avais conçu (Vialar, 117)*

Семантическая структура антропонима «ребенок» накладывается на семантическую структуру «книги» на основе общей семы «производимый», актуализирующейся в речи. При этом лексема *enfant* со своей семантической структурой выполняет вторичную функцию, тогда как сталкивающаяся с

категориальной семой «неодушевленность» лексемы «книга» сема «антропомичность» лексемы «ребенок» производит эффект персонификации, выступая в роли виртуэмы. В примере же *Le premier satellite (spoutnik 1) a été lancé par L'U.R.S.S. le 4 octobre 1957. Lancement d'un satellite. Fusée porteuse d'un satellite.* (Petit Robert, 1607) семантическая структура антропонима «сателлит» не накладывается на семантическую структуру неодушевленного предмета «искусственный спутник земли», хотя перенос осуществляется так же, как при персонификации, на основе общей семы (в данном случае в виде «постоянное нахождение около»), которая в этом случае не является актуализированной. В подобных случаях семантическая структура антропонима не накладывается на семантическую структуру неантропонима (в данном случае на семантическую структуру неодушевленного предмета «спутник») — здесь отсутствует виртуэма. Следовательно, в речи нет двуизотопии и тем самым нет оценочной характеристики.

С ономаσιологической точки зрения при персонификации происходит вторичное означивание, или косвенная номинация, тогда как при номинативной метафоре наблюдается первичная номинация, целью которой является формирование недостающих языку значений. При этом она обычно не создаёт образности, или она (образность) слаба, не нужна языку и быстро исчезает (1,333), так как метафорические единицы такого типа обзаваются собственным значением, исходящим от предмета второго означивания. В подобных случаях наблюдается изменение в категориальных семах, т.е. переносющаяся единица теряет свою прежнюю категориальную сему и приобретает категориальную сему, исходящую от предмета второго означивания. В первом примере (см. выше) наблюдается вторичная, косвенная номинация, тогда как во втором (см. выше) происходит первичная номинация: предмету, не имеющему своего названия, даётся имя на основе подмеченных общих черт. Следовательно, в первом случае семантические структуры антропонима «ребёнок» и неодушевленного предмета «книга» смешиваются ($a \in (inan + per \leq an \leq) \leq c \leq s$), тогда как семантические структуры антропонима «сателлит» и неодушевленного предмета «сателлит» не смешиваются, а, наоборот, «сателлит», как имя неодушевленного предмета, обзаывается собственной семантической структурой, исходящей непосредственно из объективной природы неодушевленного предмета «летательный аппарат» ($s \geq c \geq inan$).

Таким образом, если лексемы при обозначении разнородных предметов теряют свои категориальные семы, то возникает номинативная метафора, тогда как при оценочной (или окказиональной) метафоре, в том числе и при

персонификации, переносящаяся единица не теряет своей категориальной семы, а «накладывает» ее на семантическую структуру метафоризируемой единицы, производя тем самым определенный оценочный эффект. Следовательно, при обозначении глупого человека словом «осел» не теряются категориальные семы «антропонимичность» и «фаунонимичность», как это утверждает Е. Курилович (5,78), а наоборот, категориальная сема «фаунонимичность» единицы текста, накладываясь на семантическую структуру антропонима на основе общей семы «глупость» и т.п., производит анимализацию, т.е. сема «фаунонимичность» выступает в роли виртуэмы.

В то же время с появлением новых предметов и понятий появляются одновременно и понятия их свойств, признаков и отношений с другими предметами или самими собой, что, в свою очередь, требует также наименования. Для этого язык использует в большинстве случаев существующие в нем ресурсы (3,84), но создавая абсолютно новых единиц в звуковом и содержательном планах, Эти единицы так же, как номинативные метафоры, не содержат оценочной характеристики. Следовательно, представляется правомерным утверждение, что в случаях типа *le pied de la table, des bras d'un fleuve, le cresson boit, l'eau court* и т.п. не наблюдается персонификация (8, 155 -157)

Особенно отчетливо это явление выражается при обозначении "деятельности" абстрактных понятий. Согласно данным четырех словарей (*Dictionnaire des verbes français* par J. et J.-P. Caput. Paris, 1969; *Dictionnaire du français contemporain* J. Dubois. Paris, 1971; *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française* par P. Robert (Petit Robert). Paris, 1970 *Dictionnaire usuel* Quillet-Flammarion. Paris, 1970) в составе учтенных нами 3300 глаголов французского языка таких лексем, обозначающих "деятельность" только абстрактного понятия, не обнаружены. Эти глаголы в основном обозначают деятельность конкретных предметов (в широком смысле олова). Например, *Le malaise règne, et non la fièvre* (Saint-Exupéry, 215); *Mais la perspective d'une vie matérielle assurée par des moyens honnêtes, et, partant, la possibilité de se livrer sans remords à ses occupations favorites lui souriait beaucoup* (Camus, 137); *L'idée m'est venue aussi qu'elle était peut-être malade ou morte* (Camus, 96). В этом случае абстрактные понятия не являются персонифицированными, а структура предложения трансформированной - ср. 4.42.

Таким образом, персонификация отличается от номинативной метафоры тем, что при персонификации наблюдается накладывание семантической структуры антропонима на семантическую структуру персонифицирующегося неантропонима. При номинативной метафоре

такого явления не наблюдается: переносимая единица приобретает новую семантическую структуру, исходящую от предмета второго означивания. Персонификация отличается от номинативной метафоры также тем, что при персонификации категориальные семы «антропонимичность» единицы текста и «неантропонимичность» метатекста образуют двуизотопию, где категориальная сема единицы текста «антропонимичность» вступает в роли виртуэмы, т.е. она является семой, производящей эффект персонификации. При номинативной метафоре подобная сема отсутствует, и тем самым отсутствует оценочная характеристика, так как здесь не наблюдается накладывания семантической структуры антропонима на семантическую структуру неантропонима, обозначаемого именем антропонима. Следовательно, здесь отсутствует и двуизотопия. При персонификации наблюдается вторичная, косвенная номинация по отношению персонифицирующегося предмета, при номинативной метафоре перенос имени антропонима на неантропоним является первичной номинацией. В то время как при персонификации общая сема обычно актуализирована, при номинативной метафоре она виртуальна, представляя собой основу наименования.

Общими для персонификации и номинативной метафоры является то, что переносимые единицы антропонимичности выполняют вторичную функцию и всегда перенос осуществляется на основе общей семы. И персонификация, и номинативная метафора представляют собой поверхностную структуру, так как в подобных случаях единицы антропонимичности не обозначают тех предметов, для обслуживания которых они были впервые сформулированы в языке.

Таким образом, одним из необходимых условий персонификации является наличие черт между антропонимом и персонифицирующимся неантропонимом, выражаемых в семантическом плане общей семой. Общая сема выделяется в семантических структурах лексем, обозначающих разнородные предметы, оппозитивным методом или методом компонентного анализа с последующим сопоставлением сем. В роли общей семы могут выступить архисемы, категориальные семы или потенциальные семы. Она представляет собой всегда актуализированную сему, тем самым в синтагматике она выполняет роль семантически связывающего элемента, т.е. синтагмемы.

Если общая черта между антропонимом и неантропонимом объективно отсутствует и невозможно ее вывести из донной языковой среды или ситуации, то персонификация неантропонима невозможна; т.е. можно утверждать, что процесс персонификации не произволен. Создавать хорошие

метафоры - значит "подмечать сходство", что «служит признаком таланта» (Аристотель) а не "проявлением извечного несовершенства человеческого разума" (2.221) и не выдумкой поэтов, "этих взрослых детей" (2,222). Метафора основана на объективных фактах языка и действительности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры. – Изв. Ак. Сер. лит- ры и языка, 1978, т.37, №4 с 333-343.
2. Балли Ш. Стилистика французского языка (перев., с фр).- М.: Иностранная литература, 1961.
3. Гак В.Г. О семантической относительности языковых единиц. Всесоюз. Науч. Конф. По теоретическим вопросам языкознания: Тез. Докл. И сообщ. Пленарных заседаний. М., 1974.
4. Евстафьев В.И. Соотношение между семантикой и синтаксической функцией имени существительного в простом предложении французского языка. – Дис. Канд. Филол.наук. – М., 1974
5. Курилович Е. Р. Заметки о значении сова.- ВЯ, 1955 №3, с.71-81.
6. Ярнатовская В. Е. Роль грамматического рода при персонификации и других видов образного употребления имен существительных в современном немецком языке: Уч. Зап. Горьковский гос. пед. Инст. Ин. Языков, вып.1.- Горький, 1955.
7. Guiraud P. La sémantique.- Paris : Pres. Univ. De France, 1969.
8. Konrad H. Etude sur la métaphore, 2 ed,-Paris : Vrin, 1958.